

Шан Сижуй замер в изящной позе и запел:

— На юге мечи и копья сеют смуту, на северо-западе земля дрожит. Двести лет славы и роскоши, а конец — лишь бегство и суета!

Его голос звучал долго и уверенно, будто он не только что закончил исполнение сложного танца с мечом. Не было и намёка на паузу для вдоха, его голос был настолько чистым, что, казалось, пронзал небеса. Когда он добрался до последних слов, меч в его руке резко указал в сторону зрителей, рассекая воздух с грозным свистом, словно направляя ледяной, пронзительный свет прямо в лица хулиганов. В этот момент и хулиганы, и солдаты поняли, что в руках Шан Сижую находится настоящее оружие, способное убить, с двумя кровостоками на клинке. Его лицо выражало гнев и мощь последнего императора, его глаза, переполненные яростью, казались острее меча и холоднее льда. Он хотел очистить двор от скверны, изгнать варваров, и эти мелкие хулиганы стали первыми препятствиями на его пути к великому делу, первыми жертвами его меча. Он был готов убивать.

Один из хулиганов, ноги которого подкосились, свалился на пол, издав испуганный крик. Его глаза, широко раскрытые, уставились на Шан Сижую, словно он видел нечто ужасающее. Все наблюдали, как его штаны промокли, и лужа постепенно растекалась по полу. Он буквально обмочился от страха перед императором на сцене.

Остальные хулиганы запаниковали, а солдаты воспользовались моментом, чтобы избить их, ударяя в живот и мягкие места, и быстро вытолкали их из театра. Только когда они оказались за пределами здания, изнутри донесся гром аплодисментов и восторженных криков, от которых закладывало уши. Зрители были в полном восторге, буквально сходили с ума. Даже мулы, тянувшие повозки на улице, испугались этого шума, споткнулись и чуть не растоптали хулиганов, которые уже лежали на земле, едва не обмочившись снова.

Внутри театра хуцинь дядюшки Ли быстро подхватил мелодию, сопровождая Шан Сижую величественным финалом, достойным его императорского голоса. После этого эпизода по сценарию должен был последовать визит императора к императрице, где она должна была выбрать ему невесту. Однако зрители были настолько возбуждены, что аплодисменты не стихали, волна за волной, словно шторм. Серебряные юани, украшения и другие награды сыпались на сцену, как дождь, заставляя актёров едва удерживаться на ногах. Пришлось временно уйти за кулисы, чтобы дать зрителям немного остыть, прежде чем продолжить представление. Чэн Фэнтай, который не был большим знатоком оперы, обычно оставался спокойным зрителем. К тому же у него были особые отношения с Шан Сижуюем, что позволяло ему смотреть на него с некоторой отстранённостью — ведь всё, что он видел, было создано его собственными усилиями, и потому не вызывало у него чрезмерного удивления.

Но сегодня даже Чэн Фэнтай не смог сдержать себя и громко аплодировал, хлопая в ладоши до тех пор, пока они не начали гореть. Фань Лянь, следуя примеру окружающих, снял свои кольца и бросил их на сцену, а затем, не удовлетворившись этим, отстегнул и бросил позолоченную заколку для галстука с перламутровой инкрустацией. Затем он попытался снять кольцо с Чэн Фэнтая, нагло улыбаясь:

— Ах, как же я забыл подготовить что-то для Шан Сижую, ведь мы с ним так близки!

Чэн Фэнтай оттолкнул его:

— Отстань!

Но затем сам снял кольцо и велел старине Гэ отнести его за кулисы в качестве награды для Шан Сижую.

Старина Гэ, держа кольцо в руке, направился за кулисы к Шан Сижую. За кулисами царил не меньшая суета, чем в зрительном зале. Все окружали Шан Сижую, болтая без умолку, то вспоминая страх, то радуясь успеху. Сяо Лай приготовила для него чай с астрагалом и женьшенем, чтобы восстановить силы. Шан Сижуй сделал глоток прямо из носика чайника, слушая, как актёры наперебой хвалят его, и улыбаясь, поправлял макияж перед зеркалом. Лишь малыш Чжоу, потрясённый игрой Шан Сижую, стоял в стороне, молчаливый и задумчивый, его фигура отражалась в углу зеркала, словно бумажная кукла. Шан Сижуй заметил его и, прервавшись, улыбнулся ему. Чжоу слегка шевельнул глазами, остановив взгляд на губах Шан Сижую, всё ещё находясь в состоянии оцепенения.

Старина Гэ, стараясь не привлекать внимания, пробирался через толпу актёров, направляясь к Шан Сижую, с загадочной и льстивой улыбкой на лице. Он уже не раз передавал подобные послания от своего хозяина и делал это с лёгкостью. Раскрыв ладонь, он показал кольцо Шан Сижую, который, бросив на него взгляд, сразу же широко улыбнулся — он узнал кольцо своего покровителя.

Старина Гэ сказал:

— Второй господин сказал, что вы пели великолепно, и после спектакля он придет поздравить вас.

Шан Сижуй взял кольцо и кивнул с улыбкой.

Следующий акт начался только через двадцать минут. Император, проявив хитрость, послушался воли императрицы и женился на любимой женщине. Юй Цин, играющая роль наложницы, была изящна и прекрасна, излучая благородство и спокойствие, но всё же была на полголовы ниже Шан Сижую. Когда они стояли на сцене вместе, их образы сливались в идеальную пару, словно отражение в воде или луне.

Шан Сижуй, держа Юй Цин за руку, с нежностью в глазах пел:

— Где же бросить цветок, если сон о любви не отпускает? Здесь у меня есть и белые сливы, и красные персики, но не хватает лишь того, кто сорвёт их с ветки.

Чэн Фэнтай и Фань Лянь снова заняли свои места, но чай перед ними уже остыл. Фань Лянь, не желая терять напиток, попросил чайника подогреть его, а затем, поправив очки, с улыбкой сказал:

— Шан Сижуй действительно мастер и в пении, и в боевых искусствах. В сочетании с текстами Ду Ци его творчество станет бессмертным! Послушайте эту строчку: «Здесь у меня есть и белые сливы, и красные персики, но не хватает лишь того, кто сорвёт их с ветки». Какая звучная фраза!

В это время Шэн Цзыюнь, специалист по оперным текстам, в другом конце зала тоже аплодировал, восхищаясь мастерством.

Чэн Фэнтай, указав на сцену, спросил:

— Если он так хорошо пел мужские партии, почему потом перешёл на женские? В то время ведь больше ценили мужские роли, а женские ещё не были так популярны.

Фань Лянь, подняв чашку, сделал вид, что сосредоточенно снимает крышку:

— Тут есть своя история. Но я не хочу говорить, я хочу слушать оперу.

Чэн Фэнтай бросил на него взгляд и больше не стал спрашивать. Фань Лянь, воспитанный Чэн Фэнтаем, обладал противоречивым характером: с одной стороны, он придерживался принципов джентльмена, утверждая, что не любит сплетни и не будет их распространять, с другой — ему нестерпимо хотелось поделиться какими-нибудь секретами.

Не прошло и получаса, как Фань Лянь не выдержал и, глядя на сцену, медленно произнёс:

— Почему Шан Сижуй, певший мужские партии, перешёл на женские — это история, которую нужно рассказывать с двух сторон.

Чэн Фэнтай, не желая потакать его капризам, лишь равнодушно произнёс:

— Ага.

— Ты ведь близко общаешься с Шан Сижуйем, должен был заметить, что ему чего-то не хватает?

Чэн Фэнтай удивился, вспомнив о труппе Наньфу, о западных кастратах, о том, как Шан Сижуй играет женщин с такой грацией и нежностью, о всех этих странных слухах. Он подумал: неужели ему не хватает такой важной детали? Как же тогда он может быть мужчиной? Но тут же вспомнил те редкие ночи, когда они делили постель, и как утром, в полусне, Шан Сижуй прижимался к нему. Другие могут говорить что угодно, но его сомнения казались смешными.

— Чего ему не хватает? Я ничего не заметил.

Фань Лянь с сожалением указал на своё горло:

— У него нет кадыка.

Чэн Фэнтай задумался и вспомнил, что это действительно так. Когда пуговицы на чаншане Шан Сижую были расстёгнуты, его шея была гладкой. Если расстегнуть ещё одну пуговицу, можно было увидеть плавную линию от шеи до ключиц.

— Шан Сижуй пел мужские партии, даже ампуа воина, до тех пор, пока у него не началась мутация голоса. Но когда голос изменился, он остался почти таким же, его голос был слишком нежным. Шан Цзюйчжэнь, его приёмный отец и глава труппы, был вспыльчивым человеком и десять лет посвятил воспитанию этого ребёнка, но судьба сыграла с ним злую шутку. В гневе он взял толстую палку и начал бить Шан Сижую, говоря, что он испортил голос, потому что слишком много играл женские роли со своей старшей сестрой. В то время Шан Сижуй был сильным бойцом, перепрыгнул через стену и выбежал на улицу, крича: «Голос не изменился — это не моя вина! Папа, зачем ты меня бьёшь? Даже если убьёшь меня, это всё равно, что у монахини вырастут волосы — ничего не изменится!»

<http://bllate.org/book/15435/1368623>